

В этом году традиционный Новый год, казалось, наступил необычайно рано.

Цзян Шоуянь, сидя на диване, ненадолго отрешился от происходящего, потом покачал головой и ответил:

— Наверное, нет.

— Почему? — спросил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь бросил взгляд на всё ещё спящего щенка:

— Не с кем оставить Пушка.

На самом деле это была лишь отговорка. Цзян Шоуяня приглашение застало врасплох, и он понятия не имел, как вести себя с семьёй партнёра.

Чэн Цзайе понаблюдал за ним какое-то время, а затем спросил:

— Ты не хочешь или просто не готов?

Цзян Шоуянь не ожидал, что тот будет так допытываться. Накручивая на палец хвостик щенка,

он уклончиво ответил:

— А есть какая-то разница?

Но Чэн Цзайе не позволил ему уйти от ответа. Взяв его за подбородок, он посмотрел Цзян Шоуяню прямо в глаза и сказал:

— Конечно есть. Если ты не хочешь, значит, ты просто играешь моими чувствами.

Цзян Шоуянь слегка похлопал его по руке, и пальцы Чэн Цзайе скользнули с подбородка на шею.

— Зачем настолько преувеличивать? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе с улыбкой продолжил:

— А если ты просто не готов, то мы можем подождать и поехать в следующий раз.

Цзян Шоуянь молча смотрел на него. Пальцы Чэн Цзайе ласково поглаживали его шею — как раз там, где ещё виднелся красноватый след, оставленный им в одну из ночей.

Из-за таблеток у Цзян Шоуяня почти не было либидо, но с Чэн Цзайе всё было в порядке. И когда они лежали вместе, его тело пылало невероятным жаром. Цзян Шоуянь уже давал понять, что они могут заняться этим, — для него это не проблема. Но каждый раз Чэн Цзайе ставил его перед выбором, примерно как сегодня: «Ты действительно хочешь или просто делаешь это ради меня?»

Цзян Шоуянь только открыл рот, чтобы ответить, но Чэн Цзайе, словно прочитав его мысли, нежно провёл большим пальцем по его приоткрытым губам и тихо сказал:

— Не лги.

Цзян Шоуянь замолчал. Тогда Чэн Цзайе наклонился, провёл носом за его ухом и, спустившись к боковой поверхности шеи, вдохнул его запах, тихо прошептал:

— Я просто немного поцелую, ладно?

Сейчас большой палец Чэн Цзайе всё ещё мягко поглаживал это место, и Цзян Шоуянь, словно с опозданием, вновь почувствовал влажную и будоражащую дрожь от сплетения языков и губ в ту ночь. Его взгляд чуть заметно дрогнул, и он произнёс:

— Я не играю твоими чувствами.

Чэн Цзайе усмехнулся:

— Значит, хочешь поехать со мной, но пока не готов.

Цзян Шоуянь лишь поджал губы и промолчал. Чэн Цзайе продолжил, по-прежнему улыбаясь:

— На самом деле мои родители и все остальные уже в курсе. Они давно знают, что у меня есть парень.

Цзян Шоуянь удивлённо округлил глаза:

— Когда ты успел...

Чэн Цзайе на мгновение задумался:

— Впервые я упомянул тебя в разговоре с ними на следующее утро после того, как ты в первый раз остался у меня на ночь.

Мозг Цзян Шоуяня соображал медленно, и ему потребовалось время, чтобы осознать, как давно это было:

— Но ведь тогда мы ещё даже не...

— Ага, — кивнул Чэн Цзайе. — Наверное, из-за того, что ты стал первым человеком помимо друзей, о ком я им рассказал, они очень обрадовались и тоже хотят с тобой познакомиться.

Цзян Шоуянь смотрел на него, не зная, что сказать. Но он отчётливо чувствовал, как некая доля сомнений и самоуничтожения в его душе постепенно растворяется благодаря этой безоговорочной искренности Чэн Цзайе. Тот погладил его по щеке и сказал:

— Я уже тогда очень сильно тебя любил, Цзян Шоуянь. Ты даже не представляешь, насколько ты очарователен.

С этими словами он опустил глаза и хотел поцеловать его, но, наклонившись, почувствовал, как что-то дернуло его за рукав. Он опустил голову: щенок, который только что крепко спал, непонятно когда успел проснуться и теперь, вцепившись зубами в манжету, тянул её в противоположную сторону, словно не желая подпускать его к Цзян Шоуяню.

Чэн Цзайе одним движением руки опрокинул своего «собачьего сына» на диван, несколько раз подряд звонко поцеловал Цзян Шоуяня и, победно вздёрнув бровь, посмотрел на щенка:

— Буду целовать, буду! И что ты мне сделаешь?

Пушок, перебирая лапами, перевернулся и яростно бросился мстить, но Чэн Цзайе снова прижал его к дивану. Щенок извивался всем телом, грозно пытаясь его укусить, но как только Цзян Шоуянь протянул к нему руку, моментально сменил тактику и соорудил самую несчастную мордочку. Скорость, с которой он менял маски, просто поразила Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь вызволил Пушка из его рук, и тот, тихонько поскуливая, с абсолютно невинным видом свернулся в его объятиях. Чэн Цзайе возмущённо ткнул собаку пальцем в голову. В этот

раз щенок даже не пытался сопротивляться, а заскулил ещё более обиженно.

— Мне кажется, его надо было назвать не Пушок, а Зелёный чай, — выдал он.

Примечание переводчика. Зеленый чай — сленг, сокращение от «зелёная чайная стерва/кобель», означает человека (или питомца), который притворяется невинным, милым и жалким, чтобы манипулировать другими.

Цзян Шоуянь символически прикрыл щенку уши и пробормотал:

— Мы не будем слушать те глупости, которые несёт твой папа.

Сердце Чэн Цзайе дрогнуло от нежности. Поглаживая тыльную сторону ладони Цзян Шоуяня, он предложил:

— Если ты не хочешь ехать со мной сейчас, может, поедешь познакомиться с моими родителями после Нового года?

Идея встретиться всего лишь с двумя людьми казалась не такой страшной по сравнению с перспективой столкнуться с толпой родственников на юбилее.

Цзян Шоуянь уклончиво ответил:

— Там видно будет.

Чэн Цзайе уезжал на день раньше. Перед самым выходом он долго топтался в прихожей, обнимая Цзян Шоуяня и уверяя, что постарается вернуться сразу же после новогодней ночи. Цзян Шоуянь никогда не выяснял подробности о его семье, но смутно помнил слова Чэн Цзайе о том, что у него много братьев и сестёр. Наверное, на Новый год у них дома будет очень шумно и весело. А когда он вернётся, дома будут только они вдвоём и один щенок — даже звучит как-то сиротливо.

Цзян Шоуянь похлопал его по спине и с улыбкой сказал:

— Ничего страшного, если задержишься на пару дней. Вы ведь так давно не виделись.

Чэн Цзайе взял его лицо в ладони и возразил:

— Не так уж и давно. Я каждый год возвращаюсь на праздники. К тому же там и так полно народу. А поскольку я столько лет прожил за границей, ко мне относятся не так строго, как к другим младшим.

Он нежно пощипал Цзян Шоуяня за щёки, несколько раз поцеловал и только потом сказал:

— Ладно, я поехал. Не забывай кушать и принимать лекарства.

— Помню, — ответил Цзян Шоуянь. — Ты уже повторил это раз сто.

Хотя Чэн Цзайе и повторил это сто раз и поцеловал его тоже сто раз, он всё равно уговорил Цзян Шоуяня проводить его вниз. И даже там, на парковке, они ещё долго стояли в обнимку, прежде чем Чэн Цзайе сел в машину. Он смотрел в зеркало заднего вида до тех пор, пока хрупкий силуэт не скрылся из виду...

И вдруг Чэн Цзайе охватила беспричинная паника. Он благополучно выехал за ворота жилого комплекса, проехал три перекрёстка по навигатору, и тут осознал, что его ладони, сжимающие руль, вспотели, а сердце бьётся всё быстрее и быстрее. В голове крутилась только одна мысль: он уезжает всё дальше и дальше от Цзян Шоуяня, и это расставание продлится не час, а много-много дней. Всё это время он не будет знать, чем занимается Цзян Шоуянь, хорошо ли он ест, не забывает ли пить таблетки.

Его лекарства действовали очень быстро, но если прервать курс или даже просто опоздать с приёмом на пару часов, может возникнуть тяжёлый синдром отмены. А что, если Цзян Шоуяню снова станет плохо? Что, если он начнёт втайне причинять себе боль?

Чэн Цзайе припарковал машину на обочине. Отпустив руль, он обнаружил, что у него дрожат руки. Он не раз думал о том, чтобы взять Цзян Шоуяня с собой. Не готов знакомиться с семьёй — не беда, они могли бы жить в гостинице. Но он быстро понял, насколько абсурдна эта идея: в конце концов, он же не прячет тайного любовника.

В моменты наибольшего смятения он даже обращался за советом к Чжоу Цзяню. Тот отвечал ему, что Цзян Шоуянь — взрослый человек и способен сам принимать решения. Из-за этих слов в голове у Чэн Цзайе всё путалось ещё сильнее. Его пальцы хаотично застучали по клавиатуре телефона, не в силах выстроить ни одной логичной фразы. Он глубоко вздохнул, удалил напечатанный текст и только собирался начать заново, как телефон коротко завибрировал.

Чжоу Цзянь: Мне кажется, это не так уж и плохо.

Чжоу Цзянь: Ты слишком о нём заботишься. Пока ты рядом, он видит только тебя.

Чжоу Цзянь: Только когда тебя не будет рядом, он сможет почувствовать настоящую жизнь.

Глядя на эти сообщения, Чэн Цзайе почувствовал, как тревога внезапно отступила. Это всего на несколько дней. В крайнем случае — на неделю. Пережили же они как-то те два месяца разлуки раньше...

Успокаивая себя этими мыслями, Чэн Цзайе всё же не смог сдержаться и набрал номер Цзян Шоуяня. Тот ответил почти сразу. В его голосе слышалась лёгкая, едва заметная улыбка, а на фоне раздавалось писклявое твяканье Пушка — малыш, видимо, требовал внимания.

— Что случилось? Что-то забыл? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе откинул голову на подголовник и с тихой усмешкой ответил:

— Да нет, просто соскучился.

Цзян Шоуянь на секунду замолчал, а когда заговорил снова, тон его был совершенно обычным, будто он ничего не заметил:

— Ты сейчас где?

Чэн Цзайе ляпнул первое, что пришло в голову:

— На обочине. Пить захотелось, остановился купить воды.

Цзян Шоуянь угукнул, а затем внезапно сказал:

— Кажется, Пушок запомнил своё имя.

— Правда? — с улыбкой переспросил Чэн Цзайе.

— Подожди секунду, — Цзян Шоуянь включил громкую связь, положил телефон на журнальный столик, взял щенка за передние лапы и сказал: — Услышишь своё имя — гавкни.

— Яблоко.

Тишина.

— Зелёный чай.

Тишина.

— Пушок.

— Гав!

— Папа.

Тишина.

Цзян Шоуянь повернулся к телефону и сказал:

— Видишь? Он всё понимает.

Чэн Цзайе не поверил и крикнул в трубку:

— Папа!

В ответ раздалась целая серия звонкого лая.

— Мне кажется, он просто наглеет и пытается на мне нажиться, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь рассмеялся в голос, а отсмеявшись, сказал:

— Наверное, нам не стоит долго болтать, а то ты потом никуда не успеешь. Будь осторожен на дороге.

— Угу, — отозвался Чэн Цзайе.

— Я буду ждать твоего возвращения.

— Хорошо, — улыбнулся Чэн Цзайе.

Когда Чэн Цзайе добрался до семейного поместья, был уже вечер. То ли из-за позднего времени, то ли потому, что мало кто приехал заранее, в доме было довольно пусто и тихо. Он поднялся наверх, немного поболтал с бабушкой, а затем спустился в столовую поужинать.

В огромном зале он сидел в полном одиночестве. Дворецкий подал ему меню, поинтересовавшись, что он будет есть. Чэн Цзайе наобум заказал пару блюд, а когда возвращал меню, случайно задел экран телефона, и тот засветился.

Дворецкий бросил взгляд на экран и, поняв, что нужно как-то отреагировать, вежливо произнёс:

— У вас на телефоне очень красивая заставка.

— Да, это мой парень, — ответил Чэн Цзайе.

— Вы выглядите очень счастливыми, — заметил дворецкий.

— Спасибо, — сказал Чэн Цзайе.

Чэн Цзайе не ограничился тем, что «случайно» показал фото на заставке своего телефона дворецкому. Хотя Цзян Шоуянь не приехал, Чэн Цзайе позаботился о том, чтобы каждый друг и родственник узнал о его существовании. Он никогда и не думал его скрывать. Если бы Цзян Шоуянь не хотел пока светиться в его ленте «Моментов», Чэн Цзайе постил бы о нём по восемь записей в день. Обложка его профиля тоже оставалась неизменной: всё та же фотография на фоне заката, глядя на которую любой мог бы уловить бурю скрытых чувств, застывшую в кадре.

На следующее утро народу прибавилось. Чэн Цзайе покрутился в толпе, экран его телефона вспыхнул неизвестно сколько раз, а заряд батареи просел на пять процентов, прежде чем он, прихватив чайник чая, неспешно направился в открытую беседку, расположенную во внутреннем дворе в низине. Вид отсюда открывался прекрасный: дом был выстроен в традиционном стиле — с покатыми крышами. Чэн Цзайе опустился в кресло и, слушая шум специально подведённой родниковой воды, падающей во внутренний дворик, вдруг захотел позвонить Цзян Шоуяню.

Цзян Шоуянь готовил. Включив громкую связь, он отложил телефон в сторону. Чэн Цзайе спросил, поел ли он, выпил ли таблетки и что собирается делать днём. Цзян Шоуянь ответил по порядку на все вопросы, а Чэн Цзайе всё не переставал улыбаться. Он улыбался и улыбался, как вдруг прямо перед его лицом кто-то щёлкнул пальцами.

— С кем это ты так радостно болтаешь? — только спросив это, Чэн Ли о чём-то догадался: — А, это, наверное, невестка!

Цзян Шоуянь чуть не порезал себе палец. Чэн Цзайе со смешком промолчал. Чэн Ли был сыном его старшего дяди по материнской линии. Он был немного младше и отличался невероятной общительностью.

— Раз не отрицаешь, значит, точно! Это невестка, да? Невестка! — затараторил Чэн Ли, несколько раз подряд выкрикнув это обращение. — А ты знаешь, что он тут ходит с твоей фоткой...

Чэн Цзайе вовремя зажал ему рот.

— Что он делает с моей фотографией? — переспросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе зыркнул на Чэн Ли:

— Да ничего, он несёт чушь.

Цзян Шоуянь протяжно и многозначительно произнёс его имя. Чэн Цзайе невинным тоном оправдался:

— Просто они случайно увидели заставку на моём телефоне и спросили, кто это. А я ответил, что это мой парень.

Цзян Шоуянь отложил нож в сторону и промолчал. Чэн Цзайе поклялся:

— Правда-правда, они увидели совершенно случайно.

Цзян Шоуянь рассмеялся:

— Я ведь тебя ни в чём и не обвиняю. — И добавил: — Ладно, мне пора жарить мясо. Если ты занят, давай пока прервём звонок.

Чэн Цзайе не был занят, поэтому звонок в итоге так и не сбросил. Вставив в одно ухо Bluetooth-наушник, он слушал шкварчение еды на сковороде у Цзян Шоуяня, а сам повернулся, чтобы

поговорить с Чэн Ли, и заметил, что у того в уголке губ виднеется небольшая ранка. Чэн Ли немного замялся, неспешно дотронулся до губы и невнятно пробормотал:

— Наверное, слишком резко содрал пирсинг.

Только тогда Чэн Цзайе заметил, что у того в языке торчит серёжка. Пирсинг был подобран точно под цвет языка, и, если не приглядываться, его было совершенно не разглядеть. Заметив его взгляд, Чэн Ли с некоторым самодовольством похвастался:

— Они заставили меня снять всё железо, а мне это не по кайфу, вот я втихаря одну штангу и оставил.

У Чэн Ли были проколоты и уголок брови, и губа, и язык, и ключицы. По его словам, ему это просто нравилось, но его семья была традиционной и дорожила своей репутацией, они категорически не принимали таких экстравагантных увлечений. Зато Чэн Цзайе мог это оценить и всегда его хвалил. Поэтому каждый раз, сделав новый прокол или мастера какой-нибудь самодельный аксессуар, Чэн Ли в первую очередь делился именно с ним.

— Правда же незаметно? — выпендривался Чэн Ли, бегая глазами по сторонам. Вдруг радостное выражение на его лице застыло с пугающей скоростью.

Чэн Цзайе в недоумении обернулся и увидел бабушку, сидящую в складном кресле из красного сандалового дерева. Непонятно, когда она успела спуститься во дворик, но сейчас молча смотрела на них сквозь панорамное стекло.

Люди часто говорят, что бабушки и дедушки души не чают во внуках, но в этой семье вся молодёжь панически боялась этой седовласой восьмидесятилетней старушки. Стоило ей

появиться, все строились по струнке. Строгость и непререкаемый авторитет бабули чувствовались, даже когда она, как сейчас, просто сидела в кресле.

Оба внука подошли и поздоровались. Бабушка прохладно кивнула. Пока Чэн Ли судорожно соображал, под каким бы предлогом смыться, по лестнице спустился мужчина в безупречно сидящем костюме. Он на несколько секунд пересёкся взглядом с Чэн Ли, а затем, опустив глаза, подошёл к креслу и произнёс:

— Бабушка.

Лишь тогда на её лице появилось подобие дежурной улыбки:

— А, юный господин из семьи Чжоу. Что-то я сегодня не видела твоего отца.

— Они застряли в пробке, приедут попозже, — ответил мужчина.

Бабушка снова перевела взгляд на Чэн Ли:

— Ты уже не маленький, пора бы уgomониться. Бери пример с парня из семьи Чжоу.

Чэн Ли стоял по стойке смирно, вдруг почувствовав, как у него заныли уголок губы и язык.

— Я понял, — отозвался он. Найдя, наконец, повод сбежать, он поспешно дёрнул того юношу за край пиджака: — Тогда мы пойдём.

Во внутреннем дворике остались только бабушка и Чэн Цзайе. Женщина подняла голову и посмотрела на внука. Чэн Цзайе присел на корточки и с улыбкой спросил:

— Кажется, вы хотите мне что-то сказать?

Бабушка выдержала паузу и лишь затем, переведя взгляд на улицу, спросила:

— Не привёз его?

Вся молодёжь в семье побаивалась этой пожилой женщины, но только не Чэн Цзайе. Возможно, потому, что в детстве он долгое время жил в этом старом особняке. В его воспоминаниях бабушка, хоть и была строгой, заботилась о нём с огромным вниманием. Малыш рос очень быстро, и, стоило его щиколоткам хоть немного показаться из штанин, она тут же звала портного снять с мальчика новые мерки.

Постепенно Чэн Цзайе понял, что бабушка просто не умеет выражать чувства. Её любовь была глубокой и всеобъемлющей, иначе его мама не выросла бы такой яркой и элегантной.

— Откуда вы узнали? Неужели посмотрели заставку в моих «Моментях»? — спросил Чэн Цзайе.

— Вот ещё, делать мне больше нечего, как разглядывать, — фыркнула бабушка.

На самом деле она внимательнейшим образом изучала каждую его запись, водрузив на нос очки для чтения, и даже поручала дворецкому выяснять, что это за места на фотографиях.

Женщина постарела, в особняке стало тихо и пусто. Большую часть жизни ей приходилось быть суровой, и она стеснялась напрямую спрашивать у внуков, как дела, поэтому тайком заходила к ним на странички, но видела там не так уж много. Лишь позже бабушка узнала, что обновления можно скрывать от определённых людей.

— Тогда откуда знаете? — настаивал Чэн Цзайе.

Бабушка грозно зыркнула на него. Чэн Цзайе рассмеялся:

— Я не сказал вам заранее, потому что боялся, что он вам не понравится. Поэтому и не привёз.

Бабушка снова немного помолчала, а потом изрекла:

— Ты должен был сначала показать его мне. Если я его не видела, как узнаю, нравится он мне или нет?

— Но вы ведь уже видели фотографию? — Чэн Цзайе еле сдерживал смех.

Бабушка едва не развернулась, чтобы уйти.

— Ну так он вам нравится? — не унимался Чэн Цзайе.

Бабушка всё так же смотрела прямо перед собой — на внутренний дворик — и после долгой паузы произнесла:

— Выглядит как очень мягкий и нежный человек.

— Угу, — Чэн Цзайе не стал допытываться дальше. Это был предел откровенности для его упрямой бабушки.

— Хотите сказать ему пару слов?

Бабушка в недоумении повернула к нему голову. Чэн Цзайе с улыбкой пояснил:

— Мы как раз висим на линии.

Бабушка бросила взгляд на Bluetooth-наушник в его ухе. На другом конце провода Цзян Шоуянь, который, почуяв неладное, выключил плиту и уже довольно давно слушал их разговор, замер.

Вот так, шаг за шагом ведомые Чэн Цзайе, два человека, никогда не видевшие друг друга, на мгновение соприкоснулись через телефонный звонок. У Цзян Шоуяня на лбу выступила испарина. Нервно сжимая телефон, он произнёс:

— Здравствуйте, бабушка. С днём рождения.

Бабушка ответила:

— Спасибо тебе, Цзян Шоуянь.

Услышав имя, Чэн Цзайе на секунду оторопел. Он ведь не называл его бабушке. После этих двух фраз оба не знали, что ещё сказать. Чэн Цзайе вовремя пришёл на помощь: взяв телефон, он сказал Цзян Шоуяню, что перезвонит попозже.

Когда звонок завершился, бабушка, словно прочитав его недоумение, объяснила:

— Твоя мама рассказала мне обо всём заранее. Сообщила, что не знает, привезёшь ли ты его, но, если привезёшь, просила быть к нему помягче, потому что он болен.

Чэн Цзайе понимающе протянул: «А-а» — и прислонился головой к бабушкиному колену. Спустя долгое время она услышала глухой голос внука:

— А можно отпраздновать традиционный Новый год пораньше?

Бабушкина рука опустилась ему на волосы и ласково погладила. Её дочь прожила жизнь упрямо и предельно ясно: ей не нужны были ни слава, ни выгода, она занималась только тем, чем хотела, и вышла замуж за того, кого искренне полюбила. И плевать, что она видела этого человека всего один раз, плевать, что на родине её ждали куда более выгодные партии из проверенных семей. Чэн Тун ничего этого было не нужно. Ей нужен был лишь тот путь, который она выбрала сама.

Ребёнок, воспитанный ею, вырос таким же — свободным и упрямым. Поэтому долгое время бабушка даже представить себе не могла, как будет выглядеть человек, который понравится Чэн Цзайе. И только увидев ту фотографию, она поняла: эта гордая чайка, парящая высоко в небесах, добровольно сложила крылья и с радостью заперла себя в вольере под названием «любовь». Это было странно, нелогично — и в то же время абсолютно правильно.

Бабушка слегка похлопала Чэн Цзайе по спине и ласково произнесла:

— Хочешь уехать — езжай.

<http://bllate.org/book/14908/1725655>